

Организация высшей политической элиты Норвегии (по данным «Дружинного устава»)

Евгения Шелина

К содержанию

Категория «элиты», в частности, элиты средневековой, издавна является объектом дискуссий в социальных науках. Дискуссии эти ведутся как по поводу оснований для содержательного определения категории «элита» в целом и классификации элит, так и для обозначения ее функциональной роли в жизнедеятельности сообщества.

До сих пор не существует единого для всех социальных наук определения понятия «элита». Нет подобного универсального определения ни в исторической науке, ни в медиэвистике. Так, например, А.Я. Каждан полагал, что средневековая элита – это верхушечный слой знати, который обладает, помимо сеньориальных прав, какой-то долей публичной власти[1]. Некоторые современные французские историки пишут о том, что элита – это все те, кто занимал возвышенную социальную позицию, что обозначало одновременное обладание состоянием, властью, знаниями так же, как и признание такой их позиции иными членами сообщества[2]. При этом существует и иная позиция, где расставлены другие акценты. Так, в социологическом словаре мы находим следующие дефиниции: элита - наиболее видные представители какой-либо части общества, высшие слои в системе социальной иерархии; часть общества, считающая себя лучшей на том основании, что все лучшее в обществе принадлежит ей; лучшие или наиболее талантливые члены общества[3]. Однако большинство исследователей тем или иным образом связывают в своих трудах категорию «элиты» с категорией «власть».

В то же время в современной исторической науке существует несколько терминов, которые для эпохи Средних веков представляют собой «пересекающиеся множества»: «знать», «аристократия», «элита». Первая из этих категорий предполагает в той или иной степени, что человек, занимающий высокое общественное положение, занимает его по праву наследования, то есть важнейшую роль для этих людей в получении их статуса играет фактор крови[4]. Про вторую категорию М. Блок писал

следующее: «для того чтобы быть аристократом, тус должен существовать на протяжении долгого-необходимы два условия: во-первых, нужно обладать собственным юридическим статусом, который подтверждает и реализует то превосходство, на которое аристократ претендует, а во-вторых, этот статус, передаваясь по праву рождения, - иной раз он может переходить и к другим семьям, но в строго ограниченном кругу и по строго определенным правилам»[5].

Между тем, в истории Норвегии были периоды, когда на уровне высших позиций в системе управления норвежским государством наблюдалась фаза активной вертикальной мобильности: многие способные представители из «низов» получали престижные должности, ранее монополизированные определенным кругом семейств, а те, кто происходил из «хорошего» рода, мог быть не причастен к реальной власти.

«Элита» - наиболее широкая из перечисленных выше категорий. В нее входят и те, кто обладал властью, и те, кто был действительно «знатен» по фактору крови, и те, кто добился высокого положения в силу собственных способностей и внешних обстоятельств. Для нас эти позиции являются крайне важными, так как, рассматривая широкую, сложно структурированную группу «хирд»[6], мы наблюдаем различные сочетания этих трех позиций. Основной наш источник – «Дружинный устав» 1277 года – имеет свою специфику. С одной стороны, он отражает в себе устойчивые с точки зрения повторяемости конструкции: в уставе содержатся как фрагменты документа, созданного за век до рассматриваемого источника («древнего устава»), так и включены некоторые «нововведения» периода реформ [начиная с конца правления короля Хакона Хаконарсона (1217-1263) и правления короля Магнуса Исправителя Законов (1263-1280)]. С другой стороны, имея документы, возникшие в то столетие, которое отделяет «древний устав» от устава 1277 года, мы можем анализировать наш источник с точки зрения наличия / отсутствия в нем маркеров ревер-

сивных рухавеньняў, момэнтаў дэградацыі с тачкі зрэння ранее дасягнутога. В то же время мы можем выявить проявления продвижения организации высшей политической элиты Норвегии в сторону организации более высокого уровня.

Рассматривая организацию высшей политической элиты Норвегии – хирда – нам необходимо поставить несколько вопросов: какова была функция хирда как «элемента» в рамках целого (сообщества)? Каковы были функции каждой из групп хирда (ибо хирд не был однородным образованием)?

Каков был характер взаимосвязей представителей хирда и иных членов норвежского сообщества? Каким образом взаимодействовали члены хирда между собой?

Устав 1277 года оформляет сложившуюся к данному моменту систему стратифицированных отношений между некоторыми социальными группами и внутри этих социальных групп, так как Норвегия в рассматриваемый период не являлась однородным сообществом. В соответствии с композицией устава выявляется следующая структура рангов по нисходящей: лендрманны, канцлер и священники хирда, окольничие, знаменосцы, стольники (вместе с управляющими королевским столом и виночерпием), хирдманны, гости и факельщики. Здесь нам следует подробно остановиться на каждом из этих «элементов», входивших в «хирд».

Власть, которой обладал лендрманн, была, с одной стороны, властью над определенной территорией, которую король давал ему в управление. С другой стороны, лендрманны были причастны к управлению всей норвежской территорией, но уже не в качестве представителей короля на местах, а в качестве тех, чье присутствие при обсуждении важных государственных дел было порой необходимо для того, чтобы принятое королем и его окружением решение было признано легитимным.

Спецификой службы лендрманнов в рассматриваемое время было то, что они одновременно управляли и людьми, которые собирались для определенного дела, и делом, для которого эти люди были собраны. Практически все действия, в которых участвуют лендрманны, как каждый в отдельности, так и всеми имеющими данный ранг в целом, можно разделить на три группы. Во-первых, они являются начальниками отрядов, которые охраняют подвластные им территории от нападения «банд» тех, кто незаконно претендовал на власть в стране. Также лендрманны играют роль военных руководителей в затеянном в конце своего правления королем Хаконном Хаконарсоном (1217-1263) походе против шотлан-

дского короля на Гебридские острова. Во-вторых, осуществляют деятельность советников, не только по военным вопросам, но и вопросам внутреннего управления государством, чье мнение королю необходимо выслушать при принятии решения. В-третьих, в правление короля Хакона Хаконарсона (1217-1263), особенно после окончания гражданских войн (в 1240 г.), лендрманны предстают в саге в качестве основной составляющей королевской свиты (особенно при описании коронаций и свадьбы). То есть периодически они должны быть участниками церемоний, репрезентирующих королевскую власть и свидетельствующих о ее силе.

Среди неспецифических функций лендрманнов можно выделить функцию посольскую. Важно подчеркнуть, однако, что при исполнении данной функции необходимо было присутствие не всей этой группы, а лишь некоторых ее представителей, к тому же не во всех миссиях лендрманны были единственными исполнителями. Так, например, для подписания Пертского мира 1266 года понадобилось участие канцлера. Де-факто лендрманны были причастны к внешнеполитическим вопросам, но, возможно, не в силу того, что являлись обладателями статуса лендрманнов, а в силу того, что многие самые авторитетные люди королевства были лендрманнами. Правление сына короля Хакона Магнуса Исправителя Законов (1263-1280) внесло в судьбу лендрманнов как минимум три важные коррективы: во-первых, лендрманны начинают восприниматься как круг лиц, которые должны действовать как группа. Если в предшествующие правления даже на государственных собраниях они должны были быть советниками каждый по отдельности, то теперь их совет – это совет группы лендрманнов в целом. Во-вторых, в мирное пятнадцатилетие, когда не велось войн, лендрманны укрепляли свои позиции во главе управленческого аппарата короля. В это время они должны были отстаивать свой статус иными путями, чем посредством своих полководческих способностей. В-третьих, их принадлежность к хирду была формально закреплена в уставе 1277 года. Функции лендрманнов, представленные в «Дружинном уставе», можно разделить на три блока. На первом месте стоит право-обязанность лендрманнов «следом за герцогом и ярлом быть внутри хирда советниками, имеющими больший вес и ближайшими к королю во всех больших делах»[7]. К таким большим делам относится, по мнению К. Хелле, составление законов и переговоры по поводу соглашений[8] на государственных собраниях, заключение договоров с иностранными государствами, вопросы лейданга (который

король предпочитал собирать с бондов вместо несения ими воен. службы в ополчении)[9]. Их служба также связана с обеспечением защиты государства от внешней угрозы.

Второй блок функций представлен следующими: во-первых, «лендрманны во время Престольных праздников должны находиться в свите короля»[10]. Во-вторых, «они должны быть первыми, кто несет коронационный меч короля, если король несет корону либо венец и если герцог или ярл не несут меч»[11]. То есть они участвуют в церемониях, где репрезентируется власть короля.

Третий блок функций – функции, которые лендрманн должен был выполнять в военное время. В случае если к лендрманну доставлялась весть о войне, в его обязанности входило известить всех людей короля и всех его подданных о том, что настало немирное время.

В то же время в Законах страны 1274 года имеется информация иного рода: о том, какова была деятельность лендрманнов на уровне территорий, выделенных королем ему в управление. Здесь как его полномочия, так и обязанности значительно превышали те, которые он имел в «центральном» управлении. Можно выделить как минимум три блока его функций на местном уровне.

Первый блок: по организации власти на местах. Во-первых, в его задачи могла входить часть организации тингов, которые формально были местными центрами судебной и законодательной деятельности[12]. В этом случае он отвечал за наиболее важную для короля часть тинга: людское представительство, то есть за назначение тех, кто де-юре принимал решения на местном уровне. Второй блок: функции, которые лендрманн имел в случае военной угрозы. Третий блок: функции, связанные с судебными обязанностями лендрманна. Однако объем его полномочий разнится в зависимости от того, чем должен лендрманн заниматься. Так, в случае с судом отдельной территории, лендрманн фактически является и следователем, и исполнителем приговора, и ход дела может де-факто практически полностью зависеть от воли конкретного лендрманна, впрочем, ограниченной законом. В то же время для контроля над его деятельностью нет уполномоченного лица. А в делах государственного уровня лендрманн в период создания «Ландслова» и «Дружинного устава» может оказаться в ситуации, когда он обладает лишь совещательным голосом и является лишь исполнителем воли короля.

Следующим «элементом» хирда был канцлер. В «Дружинном уставе» зафиксировано значительно

больше функций канцлера, чем те, которые должны были выполнять носители этой должности в других королевствах Западной Европы (например, Франции). На первом месте в иерархии функций канцлера стоит его функция высочайшего советника короля, то есть канцлер входит в узкий круг тех лиц, которые вместе с королем занимаются выработкой стратегии развития государства. Это второй ранг хирда, который в соответствии с уставом 1277 года имеет подобную формализованную функцию и чья деятельность официально направлена на развитие сообщества, а не на самосохранение

Канцлер принадлежал к тем, чья деятельность была направлена на организацию жизнедеятельности сообщества: он выполнял функцию, схожую с той, какую выполняли окольные в эпоху устного делопроизводства, а именно: транслировал информацию, исходящую от короля, всему обществу. К тому же он осуществлял и функцию контроля в доверенных ему сферах управленческого аппарата: помимо контроля над содержанием королевской корреспонденции, в поле деятельности канцлера попали и финансовые вопросы.

В конце рассматриваемого периода одной из целей государственной политики стало признание Норвегии равным партнером на международной арене. И канцлер был единственным, в чьи обязанности формально вошло «представительство государства во вне». И он первый, кто де-юре должен был следить за организацией правильного обмена информацией, в том числе и с иностранными державами. С определенной степенью вероятности мы можем утверждать, что появление первого канцлера в Норвегии совпадает с усложнением и формализацией функций посольской службы. Канцлер входит в группу тех, кого в королевских дипломах именовали *procuratores*, которые имели возможность действовать не только по четким указаниям короля, но и в соответствии со сложившейся ситуацией, а значит, берущих на себя некоторую ответственность за исход переговоров.

Канцлер являлся по совместительству исповедником короля и членом его административного аппарата, чья деятельность предполагала контакты с различными людьми. Отметим, что эти функции были характерны для должности канцлера и в других странах.

Функций, которые выполняли представители следующего ранга хирда – «окольные» – можно разделить на два блока: функции в отношении иных членов сообщества и функции координаторов деятельности хирда. В «Дружинном уставе» 1277 года

перечисляется шесть функций «окольничего»:

Во-первых, ездить с сообщениями короля.

Во-вторых, «окольничие» должны произносить все то, что король повелит им сказать, на тингах и съездах хирда.

В-третьих, они должны быть в свите конунга и говорить от лица короля то, что король повелит им.

В-четвертых, они обязаны говорить обо всех обязанностях короля от лица хирда.

В-пятых, в их обязанности входит быть на всех съездах хирда и гостей и посредничать во всех тех делах, в которых возникнут разногласия, и в соответствии с советом короля примирять.

В-шестых, они должны заниматься верховыми лошадьми, когда король ездит по стране, и всем, что для этого потребуется, по прямому установлению и вместе с теми, кто для этого будет королем уполномочен[13].

Первые четыре функции «окольничих» - это лишь разновидности функций посредника и транслятора информации. Исходя из «пятой» функции, можно говорить о том, что в хирде существовало определенное количество людей, которые выполняли функции, направленные на сохранение хирда как целостности (в частности, занимались примирением при возникших разногласиях). Лишь шестая функция ранга «окольничих» входит в разряд «придворных», исполняя которую, «окольничие» помогают лицу, управляющему государством. Косвенно это отражает систему ценностей, сложившуюся, в том числе, и внутри хирда: члены высших рангов хирда – в первую очередь элементы управленческого аппарата, а уже затем – королевские придворные.

Как и в случае с вышестоящими на иерархической лестнице рангами «хирда», деятельность знаменосцев в рамках норвежского сообщества полифункциональна. Во-первых, при помощи знамен и знаменосцев осуществлялась и координация действий целых войск. И в мирное, и в военное время знаменосец выполнял одновременно представительскую функцию: знамя, которое он несет, является индикатором статуса человека, которого люди видят.

Во-вторых, в обязанности носителей ранга знаменосцев входило согласование интересов различных членов хирда между собой, разрешение противоречий и конфликтов в рамках этого института, а также всех королевских людей. Из наличия этой же обязанности следует, что носители двух из высших рангов хирда (окольничие и знаменосцы) были причастны и к контролю над деятельностью хирда, так как позиция «третьего судьи» предполагает оценивание ситуации.

Последний ранг, который формально входил в конструкцию «начальников хирда», - ранг «стольников». Как и в случае других высших рангов, его деятельность полифункциональна, но количество функций у этого ранга меньше, чем у рангов, стоявших выше в иерархической лестнице почета.

Люди, обслуживавшие стол короля, - единственные из придворных, которые не имели обязанностей в сфере управления государством, хотя они описываются в «Дружинном уставе» в разделе о его высших рангах. Одной из основных их функций была «представительская». Именно детальному ее описанию посвящены практически все фрагменты устава, рассказывающие о стольниках. В соответствии с текстом «Дружинного устава» стольники в большей мере, чем иные ранги, были призваны показать, что Норвегия – уже не страна «варваров»-викингов, но страна культурных и «куртуазных» людей. Еще одна обязанность стольников - охранять государя: они являются свитой телохранителей. Мало того, они не только исполняли роли охранников, но и сами организовывали охрану короля, которой, помимо представителей этого ранга, служили и нижестоящие. Обязанности хирдманнов, исторического ядра хирда, в иерархической лестнице почета располагавшихся на ступень ниже стольников, заключались, с одной стороны, в обеспечении сохранности жизни короля, а с другой, - в создании подобающего королю почета.

В период непрекращающихся войн и перманентного наличия соперников у короля основной функцией одной из групп служилых людей закономерно должно было стать выслеживание врагов короля и их устранение. Причем речь идет не столько об открытых конфликтах и явных врагах, но в большинстве случаев о представителях оппозиционной элиты или ренегатах, которые слишком могущественны, чтобы не рассматриваться как серьезная угроза не только для жизни людей, но и для сложившейся, но еще недостаточно крепкой системы. Такой группой были гости, игравшие определенную роль в обеспечении самосохранения этой системы.

Впрочем, в ситуации открытого военного конфликта, когда каждому из соперников было ясно, кто его враг, и когда убийство врагов своего предводителя стало делом всего хирда, гости в большинстве случаев описываются как отдельный военный отряд внутри войска короля.

Гости, в отличие от вышестоящих рангов, практически не участвовали в процессе принятия решений, чаще всего они были лишь исполнителями воли, впрочем, эта воля была королевской.

Последний элемент хирда – «факельщики». Эта группа является, с одной стороны, поставщиком персон, которые будут реализовывать функции в более высоких слоях, с другой стороны, этот слой играет роль «буфера», создавая возможность сохранить людей «хорошего рода» в качестве последних среди тех, кто имеет власть на уровне государства в целом.

Итак, чем выше находится ранг на иерархической лестнице, тем в большей степени представители рангов выполняют организационно-управленческие функции по обеспечению жизнедеятельности норвежского сообщества описываемого периода. Чем ниже ранг, тем больше его представители выполняют функции по обслуживанию двора и придворных церемоний, то есть в основном создают условия для успешного функционирования представителей других рангов хирда. Здесь следует также отметить, что нет четкого соответствия между выделенными функциями и жесткой предписанностью этих функций представителю определенного ранга. Так, некоторые функции уже были закреплены за конкретным рангом, но многие функции могли выполняться людьми из нескольких рангов. В то же время с позиции «всеобщего разделения труда» представители каждого из рангов одновременно были задействованы в обеспечении выполнения нескольких функций.

При рассмотрении рангов с позиции «самостоятельность-подчиненность», мы наблюдаем, что, при наличии нормированности (правил для каждой статусной группы), реализация предписанных каждому рангу функций имеет высокую степень автономии. У нас нет оснований, опираясь на текст «Дружинного устава» 1277 года, говорить о наличии специально выделенной контролирующей деятельности какого-либо лица, кроме короля. Исторически иерархия «функциональных» значений и иерархия «почета» в некотором смысле развивались параллельно, в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией неоднозначного соответствия. Рассматривая линию оснований для причисления к тому или иному рангу по выполняемой функции в обеспечении жизнедеятельности сообщества, мы отмечаем факт, что некоторые моменты были транслированы из более раннего периода. При этом прослеживается некоторая возможность вычленить основания для ранжирования.

В соответствии с «Дружинным уставом» 1277 года существовали следующие основания для выделения различных ступеней «иерархии» в хирде: во-первых, важность мнения человека при принятии решений. Во-вторых, данные ему права. В-третьих,

уважение и почет, который проявлялся в месте, где представитель данного ранга сидел, по тому, какой предмет во время коронации короля нес [14], по тому, каковой была процедура его назначения, и в иных почестях, которые устав не уточняет. В-четвертых, наличие/отсутствие королевского пожалования и его размер (при наличии).

В основание ранжирования закладывается не только один признак, а сочетание некоторых признаков, что ведет иногда к ситуации «пересеченных» множеств. То есть, мы не можем проводить очень жестких демаркационных линий между отдельными рангами. Такая ситуация, возможно, свидетельствует об определенной степени открытости внутри системы, так как пересечение дает возможность «движения» вверх и вниз по рангам.

При этом обязательно следует учитывать, что при сравнении двух вариантов устава: древнего и 1277 года, набор вышеобозначенных оснований остался тем же, но сочетание оснований для некоторых рангов изменилось, что лишний раз подтверждает мобильность системы. Рассмотрим это подробнее.

По древнему уставу для верхних рангов – лендрманнов и канцлера – основанием, которое позволило лендрманнам занять ступень выше, являлась их роль первых среди советников короля (первая линия – функциональная), то есть та роль, которую королевская власть во второй половине XIII века считала главной среди ролей элиты в управлении государством. Для отделения следующих рангов друг от друга – окольных от канцлера – критерием было разное количество почестей, для отделения знаменосцев от окольных – разное количество прав и почета. Стольник отделялся от знаменосца по правам и «званию», то есть почету и уважению. Почести, звание и права отделяют друг от друга все следующие ранги в хирде (от стольников до факельщиков). Из данного списка видно, что, несмотря на то, что основания для отделения высших рангов хирда друг от друга были различными, разница между рангами верхнего порядка (до стольников) была значительно меньше, чем у рангов нижнего уровня, как минимум по количеству оснований для их разделения. По улучшениям прав Магнуса Исправителя Законов разница между верхними рангами была сокращена, тогда как различия между нижними рангами были сохранены.

Таким образом, имеет место ситуация, когда, с одной стороны, консолидация верхних рангов про-

из верхних (окольничим и знаменосцам) даровались «привилегии» верхних (лендрманнов и канцлера). С другой стороны, за счет того, что «привилегии» рангов нижнего порядка оставались практически неизменными (за исключением того, что хирдманны при даровании им ранга по улучшениям прав также брались за коронационный меч), можно более четко проводить границу между рангами верхнего порядка и нижнего, пролегающую на уровне ранга стольников.

Нам необходимо подчеркнуть, что существовала определенная «иерархия» и внутри некоторых из рангов, хотя далее в данной главе мы будем представлять ранг как наименьшую из частей хирда. Отметим лишь, что основания для выделения «ступеней» внутри рангов изначально были иными, чем основания для выделения «ступеней» внутри хирда. Так «первым» здесь был тот, кто ранее обрел этот статус, кто более всех пробыл на службе у короля в качестве носителя конкретного ранга.

Нам также необходимо подчеркнуть: между соседними рангами не существовало отношений соподчинения. Каждый ранг был встроен в «иерархию» почета, но ранговая структура в большинстве случаев не предполагала иерархию соподчинения. То есть король, стоящий над ранговой структурой, выстраивал в большинстве случаев прямые, без посредников, отношения с каждым из рангов.

Если «иерархия» по почету в хирде уже сложилась в определенной мере к рассматриваемому периоду (она формализована и атрибутивно оформлена), то о сложившейся системе взаимосвязей между отдельно взятыми группами мы этого сказать не можем. Так как, с одной стороны, имеет место очень высокий уровень централизации власти в руках норвежского короля (под контролем короля находится абсолютное большинство организационных единиц, находящихся на разных уровнях). С другой стороны, не везде иерархически структурированы отношения между отдельно взятыми группами. Фактически конструкции соподчинения с ярко выраженными восходящими и нисходящими связями мы еще не наблюдаем.

Следует отметить интересный момент, что организационное построение всей системы, возможно, начинается снизу (то есть с нижних рангов), а не сверху, при условии достаточно высокой степени автономии каждого из элементов. Представленная конструкция дает нам основания предположить (а история Норвегии данного периода подтверждает наши построения), что именно в нижнем звене у нас будет наблюдаться самый высокий уровень конфликт

ности, так как нижнее звено находится в со подчинении сразу у нескольких более высоких звеньев, взаимоотношения между которыми еще не определены. Так, наиболее «конфликтной» группой в сагах представляется группа гостей (предпоследняя в «иерархии» почета).

Составление устава было завершено к 1277 году, это значит, все наши выводы характеризуют положение дел именно на этот период. Но соотнесение текстов саг (более ранних источников) с текстом этого устава дает нам основания говорить о том, что представленная иерархически-статусная структура имела определенный процесс развития. Ранг лендрманнов был формально ассимилирован в хирд как уже состоявшаяся группа, которая, будучи уже в составе хирда, оставалась достаточно автономной, при этом продолжала решать вопросы, не связанные с хирдом. А вот появление ранга канцлера напрямую связано с развитием организационного процесса центральной власти; необходимость оформления этой роли возникает к 1260-м гг.

Двигаясь вниз по иерархической лестнице, отметим, что среднее звено остается устойчивым достаточно длительное время. Более того, оно составляло ядро, вокруг которого развивался хирд, приращивая верхние и нижние звенья, причем разными способами. В это среднее звено входили окольничие, знаменосцы, стольники и хирдманны. Отметим, что представители этой части хирда в большей степени должны были (по уставу) заниматься вопросами поддержания единства данной организации, тогда как лендрманны и канцлер (верхняя надстройка) лишь участвовали вместе с хирдом в некоторых совместных церемониях.

Развитие нижнего звена также сопровождается изменениями. Группа гостей, известная с древних времен, начавшая открыто предъявлять претензии в правление короля Сверрира (1177-1202) на то, чтобы разделить почет и уважение, оказываемое обществом группе хирдманнов, включается в данное сообщество. До правления Хакона Хаконарсона (1217-1263) сосуществовали параллельно три группы: хирдманны, гости и хускарлы. Они были напрямую связаны с королем, играли особую роль при решении определенных задач и были позиционированы следующим образом: более уважаемые – хирдманны (единственная из нижних групп, которая на тот момент входила в хирд), за ними следовали гости, завершали ряд хускарлы. В период правления Хакона Хаконарсона (1217-1263) статусное место, которое ранее занимали хускарлы, было занято группой факельщиков. В правление Магнуса Исправителя Законов

(1263-1280) гости и факельщики были введены в состав хирда, то есть обрели иной статус. При этом если гости продолжали выполнять те функции, которые им были предписаны в более ранний период, то группе факельщиков, возникшей гораздо позже (относительно незадолго до создания устава 1277 года), была предписана роль (с точки зрения развития организационной структуры) оформляющегося «придворного» сообщества. Ранг факельщиков являлся стартовой площадкой для карьерного роста, но уже только для детей представителей хирда.

Изменения по всей статусной вертикали неизбежно привели к изменению как соотношения регистров внутри хирда, так и к изменению отношений хирда к сообществу в целом. С точки зрения соотношения рангов имеет место следующее. Ранги верхнего регистра стали более схожими по своим привилегиям и возможностям. При этом возросла дистанция между верхним (до стольников) и средним эшелонам. В то же время нижние звенья – гости и факельщики – хотя и приобрели с вхождением в хирд почет, на их материальном положении это не отразилось.

Что же касается изменения отношений хирда с сообществом, то за рассматриваемый период хирд обретает новый статус: хирд как целое все больше выполняет организационно-управленческие функции в рамках сообщества. При этом хирд становится все более закрытой группой, подчеркивающей дистанцию между своими представителями и остальным населением Норвегии.

Текст устава, каким он сохранился до настоящего времени, оставляет открытым вопрос: совпадает ли категория высшей элиты с категорией хирда или категория высшей элиты является более широкой по своему составу? В частности, остается открытым вопрос о месте казначей в норвежском обществе рассматриваемого периода.

Констатируя факт централизации (многое ориентировано на короля), мы отмечаем тенденцию к дифференциации рангов и конкретизации функционально-ролевого назначения каждого из рангов. Развитие статусно-иерархической структуры проходит неравномерно (и при этом не всегда напрямую связано с блоком функциональных обязанностей представителей разных рангов – есть пересечения). Изложенные выше положения относятся к так называемому построению «по вертикали». Но текст устава дает нам иллюстрацию и к иной форме соорганизации («по горизонтали»), которая проявляется на разных уровнях (на уровне соорганизации внутри некоторых групп, а также на уровне соорганизации некоторых групп, обозначенных в тексте как «корпорация»)

и по разным направлениям решения некоторых задач жизнедеятельности. Мы наблюдаем множество примеров построения отношений, базирующихся на принципах взаимопомощи. Это выражается, в первую очередь, в решении вопросов, связанных с защитой жизни «товарища», помощью в успешном исполнении его службы и помощью в поддержании его статуса (в частности, поддержание товарища в старости и обеспечение соответствующих его статусу похорон).

Примеров формы взаимодействий «по горизонтали» приводится в уставе достаточно много, что дает основание говорить о большом значении такой конструкции взаимоотношений в жизнедеятельности элиты. Здесь следует особо отметить, что взаимоотношения такого рода в большей степени присущи конструкциям низшего социального статуса (П. Кропоткин). А так как в норвежском сообществе мы вычленим данную форму в верхних эшелонах власти, то можно предположить, что это либо проявление архаических наслоений, либо уже устойчивая социальная норма, присущая всему обществу, которая будет транслироваться и в дальнейшей истории Норвегии.

В заключении нам следует отметить, что сам факт создания нормативного документа, регламентирующего большое количество связей и взаимосвязей между отдельными субъектами в разных аспектах, косвенно свидетельствует о потребности глобального упорядочивания организации отношений в сообществе в целом и в элите, в частности. Однако данный нормативный документ, несмотря на его проработанность, действовал ограниченное время.

Возможно, причина тому состоит в том, что любое нормирование эффективно функционирует только в стабильный период развития сообщества, моменты нестабильного функционирования, как правило, сопровождаются ломкой, изменением, преобразованием, уточнением сложившихся представлений о «должном». История Норвегии вскоре после создания устава может быть охарактеризована как нестабильный период. После смерти короля Магнуса Исправителя Законов (1263-1280), в период правления которого создавался устав, Норвегией фактически управлял регентский совет. В рамках большей временной протяженности (уже с 1319 года Норвегия вступает в эпоху Уний с другими скандинавскими государствами), государство вынужденно решает задачу позиционирования себя не как самостоятельного целого, а как составной части все-таки более широкого целого.

Но само написание «Дружинного устава» 1277 года, одобренного членами высшей политической элиты, являет собой пример «субъектного» отношения к своей судьбе, когда целеполагание, позиционирование ценностно-нормативного ряда, функции организации контроля реализуются членами определенной группы в полном объеме, без привлечения ресурса извне.

Примечания:

- [1] Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. М., 1974. Р. 11.
- [2] Bougard F., Feller L. Les élites au Haut Moyen Age. Crises et renouvellements. Paris, 2004. P.6.
- [3] http://mirslouvrei.com/content_soc/JELITA-13588.html.
- [4] Описание того, что подразумевается под словами «знать» и «аристократия» в современной зарубежной исторической науке, можно найти в монографии немецкого историка Hechberger W. Adel, Ministerialität und Rittertum im Mittelalter. Frankfurt am Main, 2004. P. 86-89. Или французского историка: Morsel J. L'aristocratie médiévale. V'-XV siecle. Paris, 2004. P. 5-7
- [4] Блок М. Феодалное общество. М., 2003. С. 277.
- [6] «Хирд» в рассматриваемое время – высшая политическая элита Норвегии.
- [7] Hirdskraa // NgL II 407. at þæir skulu vera nest hærtoga. oc iarllum. enir mesto oc hinir hæsto konongs raðgiafar. oc sva at sama innan hirðar vm oll stormæli.
- [8] Например, соглашения с архиепископом Йоном 1273 и 1277 годов с печатями 7 и 8 лендрманнов соответственно.
- [9] Helle K. Konge og gode menn I norsk riksstyring ca. 1150-1319. Bergen, 1972. P. 351.
- [10] Hirdskraa // NgL II 407. Lenðir menn skulu hallða. a. hæstom haltiðis ðaghum fylgð með konongi.
- [11] Hirdskraa // NgL II 407. Þæir skulu oc fyrstir bera vigslu suærð konongs. ef han ber koronu eða garlanð. nema hertoge. eða jarll bere.
- [12] Landrecht des Königs Magnus Hakonarson. Germanenrechte Neue Folge. Ed. Rudolf Meissner. Weimar, 1941. S.10 En lendrmaðr eða syslu maðr eða armaðr skal nefnt hafa a midfastu pingi sva marga menn or fylki hverju sem her vattar.
- [13] Hirdskraa // NgL II 411. Þessi skyllða fylgir stallara nafne með konongs boðe .i konongs pionustv oc innan hirðar at stallare skal roeða þat alt sem konongr byðar honom bæðe. a. þingum oc a. hirðstæfnum. Stallarar skulu halða fylgð með kononge oc tala af konongs henðe þalu mal sem konongv byðr honum. Hann skal oc skylðr til vera at roeða allar skyldar oc skynsamur nauðsyniar til4 konongs af hirðmanna henðe Hans skylða er oc þat at vera. a. ollum stæfnum hirðar oc gesta. oc sætta þa um oll þau mal sem þa skil. a. oc han er til kvaðr eftir konongs raðe. Stallare skal oc skipta ræiðskiota þæim sinum sem konongr fær vm land oc þass þarf við æftir rettre tilskipan oc þæir men með honom er konongr skipar til þess stalrfs.
- [14] Hirdskraa // NgL II 407. По уставу лендрманны должны быть первыми, кто несет коронационный меч короля, если тот несет корону либо венец и если герцог или ярл его (меч) не несут. (Þæir skulu oc fyrstir bera vigslu suærð konongs. ef han ber korono eða garlanð. Также в care о Хаконе Хаконарсоне говорится, что лендрманны несли все убранство и одежду короля. Hirdskraa // NgL II 441. Знаменосцы, уже в рамках своих обязанностей, несли знамя.

Літэратура:

1. Hirðskrá // Norges gamle Love indtil 1387. Bd. II. Christiania, 1848. S. 387–450.
2. Landrecht des Königs Magnus Hakonarson. Germanenrechte Neue Folge. Ed. Rudolf Meissner. Weimar, 1941.
3. Bagge S. Borgerkrig og statsutvikling i Norge i middelalderen // NHT. Bd. 65. 1986.
4. Bagge S. Hirð // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. P. Pulsiano. N. Y., 1993. P. 284.
5. Blom G. A. Kongemakt og privilegier i Norge inntil 1387. Oslo, 1967.
6. Bøe A. Lendmann // KLNМ X 498–505.
7. Christensen A. E. Kongemagt og aristokrati. Kbh, 1968.
8. Derry T. K. A History of Scandinavia. L., 1979.
9. Fladby R. Merkismaðr // KLNМ XI 555.
10. Hamre L. Hird. // KLNМ VI 568-577.
11. Hamre L. Handgengnir menn // KLNМ VI 190–192.
12. Hamre L. Skutilsveinn // KLNМ XVI 35–36.
13. Hamre L. Stallar // KLNМ XVII 34–36.
14. Heber G. Norsk adel. Oslo, 1944.
15. Helle K. Konge og gode menn i norsk riksstyring ca. 1150-1319. Bergen - Oslo - Tromsø 1972.
16. Helle K. Norge blir en stat 1130-1319. Bergen - Oslo - Tromsø 1974.
17. Hertzberg E. Lén og veizla i Norges sagatid. Gottingen, 1893.
18. Hertzberg E. Lendemaendene // Sverreaetens kongedømme. Norske historikere I utvalg. Bd. 3. Oslo, 1970. P.336- 340.
19. Jonsen A. O. Drottsete // KLNМ. III. 1958. S. 338-348.
20. Imsen S. Hirdloven til Norges konge og hans håndgangne menn. Oslo, 2000.
21. Imsen S. King Magnus and his Liegmen's "Hirdskrå": A Portrait of the Norwegian Nobility in the 1270s. // Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations. England, 2000. P. 206-220.
22. Keyser R. og RA. Munch. Norges gamle Love. Bd. 2. Christiania 1848.
23. Keyser R. Norges Stats- og Retsforfatning i Middelalderen. Christiania, 1867.
24. Kinck H. Storhetstid. Om vort aandsliv og den literaere kultur I det trettende aarhundrede. Kristiania, 1922.
25. Larson L.M. The household of the Norwegian kings in the Thirteenth Century. // Change in the Medieval Society: Europe north of the Alps, 1050-1500. Ed. Sylvia Lettice Thrupp. New Jersey, 1964. P. 133-155.6
26. Lustig R. I. Some views on Norwegian foreign service: 1217-1319. // Medieval Scandinavia. XI. 1978-1979. P. 212-241.
27. Lönnrot E. Government in Medieval Scandinavia // Sverreaetens kongedømme. Norske historikere I utvalg. B. 3. Oslo, 1970.
28. Orfield L. The growth of Scandinavian law. New Jersey, 2002.
29. Sawyer B., Sawyer P.H. Medieval Scandinavia. Minnesota, 1993.
30. Seip D.A. Hirdskraa // KLNМ VI 1961. S. 580-582
31. Seip D.A. Gjest // KLMN IV 1959. S. 336-338.
32. Schreiner J. Kongemakt og lendmenn i Norge i det 12 århundre. Scandia, 1936.

33. Schreiner J. Kongens raadgivere under Haakon Haakonsson // NHT. XXXIV. 1946-1948. S. 601-608.
34. Schreiner J. Høvdingmøte og rigsraad I Norge // NHT. XXXV. 1949-1951. S. 157-172, 405-428.
35. Schreiner J. Haermark og rigsstyre // NHT. XXXVI. 1952-1953. S. 99-139.
36. Storm G. Norges gamle Love. Bd. 4 Christiania, 1885.
37. Taranger A. Kongemagt, ting og administration.// Sverreaetens kongedømme. Norske historikere I utvalg. B. 3. Oslo, 1970. S. 57-80.